

В О С Т О К

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

К Н И Г А П Я Т Я

**„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 г. — ЛЕНИНГРАД**

ЛИ БО

ИЗ ЧЕТВЕРОСТИШИЙ

Помещенные мною в № 2 „Востока“ стансы Ли Бо о поэте („Древнее“) вызвали среди наших читателей различные суждения (мне известны лишь устные), похожие на возражения, но не колеблющие основного принципа отбора и перевода. Я попрежнему держусь того мнения, что не нужно отбирать в восточной поэзии исключительно вещи, по поэтической сущности и окраске совпадающие с нашими, но вводить также и те, которые с нашими в этих отношениях совершенно не совпадают и потому не легко усваиваются. Наиболее поэтичными с китайской точки зрения оказываются именно последние.

Повинуясь, таким образом, чужой эстетологии, переводчик может на первых порах только осведомлять читателя. И, вероятно, наиболее правильным путем пересадки чужого поэтического уклада на нашу почву нужно считать промежуточное появление Фицджеральдов для всякой восточной поэзии.

Пока же такового для китайской поэзии не нашлось; нам, филологам, нужно прокладывать для них же дорогу и смело браться за трудное дело перевода тех вещей, от которых в былое время китаисты отказывались.

Попрежнему мне хотелось бы переводить, по крайней мере, ритмически, но и это требует слишком больших жертв. Придется опять вернуться к точной передаче пяти и семисловных китайских стихов на пяти и семисловный отбор русских значащих слов (не считая предлогов и союзов). Мне кажется, что элементарный ритм и этим путем ощутить, все-таки, можно.

В виду сложности сюжетов, пришлось прибегнуть к обширным примечаниям, парафразам и оценкам туземных критиков, как бы последние ни дисгармонировали с нашим непосредственным восприятием.

Принципиального выбора четверостиший здесь нет. Они идут под ряд, по китайскому изданию 1905 года, и представляют, в общем, около 10% общего числа четверостиший Ли Бо.

I

ВАН ЧЖАО ЦЗЮНЬ ¹⁾

Чжао Цзюнь коснулась седла из яшм.
 На лошадь сев, плачет об алых щеках.
 Нынешний день — дама из ханьских дворцов,
 Завтрашним утром — наложница варварских стран.

II

ВСТРЕТИЛИСЬ

Встретил тебя среди красной пыли:
 В высь руки, с плетью из желтого золота.
 Тысячи входов среди повисших ив:
 Твой дом в которой, скажи, стороне?

III

ТОСКА НА ЯШМОВОМ КРЫЛЬЦЕ

Яшмовый помост рождает белые росы...
 Ночь длинна: овладели чулочком из флера.
 Уйду, опущу водно-хрустальный занавес:
 В прозрачном узоре взгляну на месяц осенний.

¹⁾ См. примечания в конце статьи.

IV

СЯНЬЯНСКИЕ ПЕСНИ

- а. В Сяньяне, где шло веселье,
 Пели, плясали „Белой меди копыта“...
 — Стена у цзяна, крутят чистые воды;
 Цветы, луна вводят меня в забытье.
- б. Почтенный Шань, когда упивался вином,
 Пьяный, без чувств сидел у Гаояна.
 На голове — шапка из белых перьев
 Неверно одета... А сам на коне!
- в. Гора Янь у реки Хань.
 Воды зеленые, песок — словно снег.
 На ней есть памятник: там роняли слезы...
 Темными мхами давно стерт, угас.
- г. Дай напьюсь у прудка, где живут Си!..
 Не буду глядеть на памятник слезы роняющих!..
 Почтенный Шань хотел сесть на коня:
 Смешил на смерть сяньянских ребят.

V

ЧИСТЫЕ, РОВНЫЕ МЕЛОДИИ

- а. Облако... Думает — платье! Цветок... Мнится — лицо!
 Ветер весенний коснется куртин: сочно цветенье в росе.
 Если не свидеться там, на горе Груды Яшм,
 То под луной повстречать, у Изумрудных Террас.
- б. Целая ветвь сочной красы: роса в благовоньи застыла.
 Горы У в туче-дожде напрасно рвут нутро.
 Дайте спрошу: в ханьских дворцах кого могла бы напомнить?
 — Милую ту „Летающую Ласточку“, новым нарядом сильную.
- в. Славный цветок и крушащая царство друг другу рады:
 К ним всегда и взгляд, и улыбка князя-государя.
 Таять послав, растопив досаду бескрайнюю ветра весеннего,
 Около домика: „Топь благовоний“ стала к резным перилам.

VI

НА АЛЛЕЕ ЛОЯНА

Из чьей семьи молодец — что белая яшма,
Повернул коляску, едет по „Броду Неба“?
Глядит на цветы, что в Восточной Аллее,
Тревожа, волнуя живущих в Лояне.

VII

ЮНОША В ПУТИ

С пяти Гор юноша на восток от Золотого Рынка
В серебряном седле, на белом коне мчится в весенний ветер...
Опавшие цветы примяв все, в каком направлении едет?
— С улыбкой въезжает к хуской деве, в ее винный погреб.

VIII

КОНЬ С БЕЛОЮ МОРДОЙ

Седло в серебре, с белою мордой конь.
На зелени поля — защита от грязи, парча.
И в мелкий дождь, и в ветре весны, когда опадают цветы,
Взмахнет плетью, прямо промчится к деве хуской пить.

IX

Г А О Г Ю Й Л И

С золотым цветком ветер ломящая шапка...
 А белый конь тихо бредет вспять.
 Порхает - взлетает, пляшет широкий рукав —
 Что птица, с восточных морей прилетевшая.

X

ДУМЫ В ТИХУЮ НОЧЬ

У постели вижу лунный свет:
 Мнится — это иней на полу.
 Голову поднял — взираю на горный месяц;
 Голову вниз — в думе о крае родном.

XI

ПЕСНЬ О КУПЦЕ

Гость заморский ловит с неба ветер
 И корабль далеко в страду гонит.
 Словно сказать: птица среди облаков!
 Раз улетит — нет ни следа, ни вестей.

XII

ПЕРЕПРАВА В ХЭНЦЗЯН

- а. Люди скажут: Хэнцзян прекрасна,
Я скажу: Хэнцзян противна!
Ветер сплошной дует три дня, валя горы;
Белые волны выше вздымаются башни при Вагуань.
- б. Морской прилив к югу идет, проходит за Сюньян.
„Воловья мель“ с давних пор опаснее, чем Мадан.
В Хэнцзяне хочу перебраться, но волны и ветер злы;
Вся река тащит тоску в дали тысяч ли.
- в. Хэнцзян, на запад если помотришь, скрыла западный Цинь;
Воды Хань к востоку слиты с бродом на Янцзы цзяне,
Белые волны — словно горы... Как же здесь переехать?
Бешеный ветер смертельно томит пловца с горой парусов.
- г. Морской бог прошел здесь — злой ветер кружит.
Волны бьют по Небесным Вратам — стены скал раздались.
Река Чжэ, в восьмой месяц зачем такая ты?
Волны похожи на горы сплошные, снегом плюющие в нас.
- д. Перед Хэнцзянской будкой встречает пристав паромный меня.
Мне говорит, указав на восток, где в море родились тучи:
— Сударь, сегодня ехать хотите ради какой нужды?
Если такие волны и ветер, ехать никак нельзя.
- е. Мутнеет луна, небо в ветре, туман не может раскрыться,
Киты морские насели с востока, сотни рек — обратно...
Волны в испуге раз взвились, колеблются Три Горы...
— Сударь, не надо вам переправы!.. Идите прочь, домой!

XIII

ОСЕННЯЯ ЗАВОДЬ

- г. В Осенней Заводи парчево-горбатая птица,
Среди людей и на небе редкая.
Горная курочка стыдится чистой воды:
Не смеет глядеться в наряд перьев.
- д. Оба виска вошли в Осеннюю Заводь;
Утром одним, — смерч — и уже мертвы.
Вой обезьяны торопит белеть волосы:
Длинные, мелкие — стали сырцом все.
- е. В Осенней Заводи много белых обезьян:
Прыгают, скачут, словно летящий снег.
Тащут, зовут дитя с ветвей
Пить шаловливо в воде луну.
- ж. С тоскою живу скитальцем в Осенней Заводи.
С усиьем гляжу в цветы Осенней Заводи.
— Горы, реки — как в Шаньсяне,
Воздух, солнце — как в Чанша!
- з. Пьяный, сажусь на лошадь почтенного Шаня;
Стыну, пою песнь про вола Нин Ци.
Зря напеваю: „Белые камни ярки“:
Слез полна чернособолья шуба.
- и. В Осенней Заводи тысяча горных рядов.
Гора Шуй Цзюй — самая странная с виду.
Небо склонилось, хочет валить каменья;
Воды плещут к ветви „живого чужим“.
- к. Прадед Речной — некий кусок скалы.
Синь небес вымело в красочный полог.
Врезан стих; здесь он тысячи лет.
В буквах зеленых мох парчевый растет.

- м. Утес Ложэнь в перерез птичьим путям.
Речной Прадед вышел за Рыбьи Мосты.
Воды быстры, лодка скитальца мчится...
Горный цветок пахнет, коснувшись лица.
- н. Вода -- словно одна полоса шелка,
Земля эта -- то же ровное небо.
-- Что, если бы, пользуясь светлой луною,
Взор -- в цветы, сесть в ладью, где вино?
- о. Чистые воды, покойна простая луна.
Луна светла, белая цапля летит.
Он слушает девушку, рвущую лины,
Как всю дорогу ночью домой поет.
- п. Пламя печей озаряет и небо, и землю;
Красные звезды рассеяны в алом дыму.
Юноша скромный светлую лунною ночью
Песню поет. оживляя холодные реки.
- р. Белые волосы -- в три тысячи сажен:
Это кручина кажется длинной такой!
Мне не постичь: в зеркале этом светлом,
Где мог достать иней осенний я?
- с. В Осенней Заводи старик из сельской хаты
Наловит рыбы, среди вод уснет.
Жена с детьми пустила белых кур
И вяжет свой невод напротив густых бамбуков.
- т. Холм Персиков -- один лишь шаг земли...
Там четко-четко слышны речь и голос.
Безмолвно с горным я монахом здесь прощаюсь.
Склоняю голову; привет вам -- в белых тучах!

Перевел с китайского

В. Алексеев

П Р И М Е Ч А Н И Я

К стих. ЛИ-БО

Стих. I

Ван Цян, или по прозванию (Ван) Чжао Цзюнь, красавица, взятая в гарем императора династии Хань (48—32 г. до начала нашей эры), будучи сначала незаметной и неизвестной, сыграла потом большую роль. Предание гласит следующее.

В императорских, так называемых, „дальних покоях“ скопилось столько гаремных женщин, что повелитель не мог найти времени для их обхода. Тогда он велел придворным рисовальщикам изобразить портрет каждой из них и, судя по портретам, призывал к себе ту или другую. Одалиски, поняв секрет, старались подкупить мастера с тем, чтобы он изобразил их более красивыми, чем они на самом деле были. Но Ван Чжао Цзюнь, гордясь своею красотой, не пожелала унижаться до подкупа и мастеру не дала ничего. Тот изобразил ее за это уродом, а император, взглянув на портрет, не удостоил ее приглашения.

В 33 году до начала нашей эры, хуннуский хан захотел породниться с императорским (Ханьским) домом культурной страны, которую сам притеснял, продолжая дело своих предков. Тогда для него, как для варвара, выбрали, судя по портретам придворных живописцев, самую уродливую из гаремных затворниц. Таковою оказалась Ван Чжао Цзюнь.

Перед тем как отправиться к месту своего назначения, она явилась откланяться своему повелителю. И вот тогда разыгралась драма. Красота ее ослепила и императора, и всех придворных с такой силой, что они тряслись от невиданного зрелища.

Император, который уже неоднократно нарушал свое слово, данное варваро-союзнику, был в отчаянии, но поделать ничего не мог. Разобрав в чем дело, он тут же приказал четвертовать и разбросать по кускам придворных мастеров, конфисковав все их имущество. Но было уже поздно — и Ван поехала к хуннскому хану.

Судьба несчастной девушки тронула современников, и они сложили в ее честь песнь, вызвавшую впоследствии много подражаний, в том числе и стихотворение Ли Бо.

„В десяти последних словах, — говорит один критик, — Ли Бо исчерпал все то, о чем до него говорило множество поэтов в стихотворениях, посвященных этой теме“.

Другой критик думает, что, — как это часто бывает, — здесь Ли Бо, под покровом древней темы, касается современных ему событий.

Стих. II

„Красная пыль“ — поэтический образ нарядной светской суеты и мишуры.

„В высь руки“, занятые плетью, — приветствие, заключающееся в подъеме обеих рук вверх, до груди и выше.

Оценивая стихотворение, критик пишет: „Всего только один вопрос, но дух твой идет и мысль растет“.

„В пятисловных оборванных строфах (т. е. четверостишиях), — пишет другой критик, — к высшей категории надо отнести, конечно, те, что мелодией своей наиболее близки к древнему стиховному укладу; но найти в них суть можно лишь подлинностью своего чувства. А этим-то Ли Бо и владеет!“

Стих. III

Тоска, описываемая в этом стихотворении, есть тоска гаремной дамы, лишившейся царского фавора или же никогда его не имевшей. Тема старая, которой Ли Бо здесь подражает, сохраняя словесную ткань.

„Яшмовый (мраморный) помост“ — крыльцо в гинекее императорского дворца.

„Белые росы“ — поэтическое обозначение инея. Эти „белые росы“ накинулись на мой тонкий чулок и овладели им.

Оценивая это стихотворение, один критик говорит, что эти двадцать слов, живо описывающих настроение женщины, которая томится в тоске, и расположенных так, что первые стихи дают понять, что ей и уходить не хочется, и на месте не стоит, а вторые — что ей и не сидится, и не лежит; — что эти два десятка слов стоят двух тысяч.

Другой критик указывает на то, что, кроме заглавия, ничто здесь не называется той тоски, о которой речь, но она таится где-то позади слов. Известный писатель и критик Чжу Си (XII в.) сказал, что Ли Бо — „само совершенство в стихе“. Он, очевидно, имел в виду именно эти его особенности.

Стих. IV

а. Сяньянскими эти песни называются потому, что составлены около 450 г. нашей эры сяньянским губернатором, суйским князем Данем. Ли Бо здесь пишет на те же темы.

„Белой меди копыта“ — название одной из сяньянских мелодий, основанной, как говорит предание, на песне мальчиков, потрясенных скачкой воюющих всадников в побежденном городе. Мелодия была положена на музыку и к ней был прилажен танец.

„Цзян“ — река Хань.

б. Здесь речь идет о Шань Цзяне (Шань Цзилуне), герое сяньянских преданий. Он был местным правителем и облюбовал себе прудок в саду, который в историческом воспоминании назвал Гаоянским. Туда ему подавали вино, которым он быстро упивался, и в бесчувственном состоянии требовал, чтобы его все-таки посадили на коня, хотя вид был при этом у него неопишимо смешной. Молодежь сложила про него песнь, вариант которой дан в стихах Ли Бо.

в. „Гора Янь“ — к востоку от Сяньяна подходит к самой реке Хань.

„Памятник“, о котором здесь речь, поставлен местному правителю Ян Ху после его смерти в 278 г. нашей эры. Он оставил по себе столь светлую память, что надпись на плите, воздвигнутой в его честь, исторгала у читавших слезы, так что один из позднейших почитателей Яна назвал эту плиту „памятником, от которого роняются слезы“. Надпись заросла мхами, люди забыли великого человека.

Комментаторы и критики отмечают, что в этой строфе „настроение поэта идет порывом и в глубь веков, и в современность“, и что „в этих кратких словах мысль выражена вся до дна“.

„Нам, — пишет другой, — оставлены памятники былого, и мы сами можем идти и обозреть, но такой глубины чувства, как при чтении этих стихов, у нас не создается никогда“.

1. Прудок, о котором шла речь во второй строфе, принадлежал семье Си. В нем водились искусно выкормленные породы рыб. Вокруг, со всею китайскою заботливостью, был разведен чудесный сад. Немудрено, что пьяница-эстет облюбовал это место.

Последние стихи означают, вероятно, желание Ли Бо уподобиться хоть на время Шань Цзяню, в смысле стиля его жизни, столь излюбленного самим поэтом.

Стих. V

„Чистые, ровные“ и падающие мелодии — так назывались в древнем Китае мелодии по доминирующему тону их и музыкальному стилю: высокому или низкому. В глубокой древности они были предначинаны для воспевания супружеских радостей.

Обстоятельства, при которых эти строфы были набросаны Ли Бо и которые необходимо иметь в виду, чтобы понять все стихотворение, а равно и условия, при которых возможна их приблизительная переводная передача, таковы:

Император Сюань Цзун (713—756 г. нашей эры), наслаждаясь великолепным расцветом государственной политики, золотым веком поэзии и прочих искусств и потонув в наслаждениях, начинал пресыщаться, искать нового, необыкновенного. И вот, случайно, в гареме одного из своих же сыновей он усмотрел красавицу, пленившую его до безумия, и совершил дикий поступок — взял девицу к себе. Она стала теперь его любимой наложницей. Свет померк в его очах, глядевших только на нее; на ней все сосредоточилось... Император перестал обращать внимание на глухой ропот народа против временщика — брата царицы, и гроза разразилась неслыханным мятежом.

Картина настоящих строф такова. Ли Бо только что произведен в высшую ученую степень академика литературы и на радостях упился вином до полной потери чувств. А во дворце в эту светлую лунную ночь происходило торжество пересадки необыкновенных тюльпанов, которыми все были увлечены, к дворцовой беседке, названной по дереву, из которого она была сделана, „беседкой топи ароматов“. Цветы только что пышно распустились. Император прибыл к беседке со свитой. За ним несли царицу.

Император приказал выбрать из основанной им же придворной школы певцов, музыкантов и актёров, наиболее талантливых людей для прославления этой чудной ночи. Отобрали шестнадцать человек, во главе с Ли Гуйнянем, первым певцом своего времени. И вот, этот певец, ударив в кастаньеты, выступил вперед и приготовился петь, но император его остановил.

„Нет, — сказал он, — раз мы здесь любимся знаменитыми цветами, да еще перед нами царица, — старых песен нам не надо!“

С этими словами, он велел певцу держать перед ним бумагу, на которой был золотой узор, и набросал новому академику приказ сейчас же явиться во дворец, представив новый парафраз древних любовных мелодий, в виде трех отдельных строф одной и той же темы.

Ли Бо, получив приказ, ничего не понял: он был слишком пьян. Его облили водой, вытерли, дали в руки кисть, и стихи были моментально набросаны, а Ли Гуйнянь их спел.

Пока он их пел, царица — или, как ее велено было называть, „Великая Настоящая Фея“ — наливала и пила виноградное вино, улыбаясь лестным словам стиха. Император не утерпел, и сам, велел подать флейту, стал подыгрывать мелодии. Под конец строфы он замедлял темп, чтобы доставить царице удовольствие.

С этих пор государь стал еще более отличать Ли Бо среди всех прочих академиков.

Таким образом, Ли Бо имеет задачу прославить красоту царицы среди фантастически прекрасной и великолепной обстановки. Он пользуется удобствами своего языка, не уточняющего форм слова, и потому переводчик на другой язык, этих удобств не имеющий, вынужден ставить непрошенные точки над *i*, да еще, к тому же, снабдить, в конце концов, перевод парафразом, окончательно точным и понятным.

Парафраз первой строфы (О государе, влюбленном в царицу, тогда еще всего лишь гаремную затворницу князя Шоу Вана):

— Вы, государь, смотрели на облако, и оно представлялось вам ее платьем...
Глядя на цветок тюльпана, вы думали: вот ее лицо!

Как весенний ветерок куртины, коснетесь вы ее своею милостью — и она сочно расцветет, как тюльпан в благодатной росе.

Если — думалось вам — такую красавицу не увидеть мне на горе Яшм; если она не сама царица фей Си Ван Му, то уж, наверное, ее надо искать у Террас Изумрудов, где живет фея И Фэй, воспетая древним Цюй Юанем. Она — лучшая, самая царственная не только среди людей, но и среди фей.

б. „Гора У“ — местопребывание феи, явившейся во сне древнему удельному князю, случайно там заночевавшему. Она сказала ему, что будет его ждать, являясь днем тучей, а ночью дождем. Поэт Сун Юй написал по этому случаю бессмертную оду.

„Летающая Ласточка“ — прозвание фаворитки, а впоследствии — императрицы, ханьского императора Чэн Ди (32 — 6 до начала нашей эры), который полюбил ее за выдающиеся качества танцовщицы и из частного дома перевел ее в пышный дворец. Критики много рассуждают о том, насколько уместно было приводить здесь это сравнение, но ясно, что Ли Бо не имел намерения иронизировать.

Парафраз второй строфы: Царица — это сочная прелесть ветви тюльпана, на которой росная благодать сосредоточила свой аромат. Напрасно фея горы У смотрит на это соединение тучи и дождя; и напрасно разрывает от горя свою душу: здесь слишком очевидное счастье! Кого же, позвольте спросить, может напомнить наша царица из былых красавиц? — Разве царицу Ласточку, да и то тогда, когда она была во всеоружии своих чар, подчеркнутых новыми нарядами!

в. „Крушающая царство“ красота женщины была воспета придворным поэтом II в. до начала нашей эры в следующих строках:

На севере живет красавица,
Выделяясь из всех, оставаясь одна.
Раз взглянет — сокрушит человеку город,
Два взглянет — свергнет человеку царство!

Император, прослушав это, вздохнул и сказал:

„Ну, в хорошие-то времена (как наши) разве может такая появиться?“

Тогда выяснилось, что поэт пел о своей сестре. Император приблизил ее к себе и в любовном упоминании был близок к катастрофе.

Парафраз третьей строфы: Знаменитый своею красотой цветок и красавица, могущая своими чарами разрушить царство, как бы рады друг другу, и на них почивают с улыбкой взгляды восхищенного государя. Государь был, как весенний ветер, недоволен, что цветок не раскрывается. Но вот он наконец раскрылся; досада настойчивого ветерка рассеялась, и в беседке, сделанной из ценного дерева („Топь благовоний“), стоит чаровница, любующаяся цветам, и сама вся в любовном взгляде очей государя.

Стих. VI

Лоян — город на реке Ло, в центральном Китае (ныне — Хэнань Фу) — одна из древних столиц.

Яшма, белая, нежная, с неизъяснимою прелестью колорита и какой-то особо прекрасной эманации, ценится в Китае едва ли не более других драгоценных камней. Она очень часто служит поэтическим сравнением с лицом и душой восхитительного человека.

„Небесный Брод“, т. е. звезды, лежащие поперек Млечного Пути. Этим именем государь династии Суй, Ян Ди (606 — 617), перенес столицу в Лоян, назвал роскошно построенный плашкоутный мост, соединявший берега реки Ло, и, таким образом, уподобил свою резиденцию небу, а реку Ло — „Небесной Реке“, т. е. Млечному Пути. Впоследствии этот мост был укреплен на каменных быках, но в просторечии сохранил свое название „пловучего моста“. Рассказывают, что он был укреплен, между прочим, и железными цепями, перекинутыми с берега на берег. Кроме того, по четырем углам его были башни. Его от времени до времени чинили, поддерживали, как историческую достопримечательность.

„Живущих в Лояне“, т. е. лоянских дев.

Стих. VII

„Пять Гор“, т. е. древних (ханьских) императорских могил, устроенных в природных холмах, которые являются в данном случае, так сказать, естественными курганами. Эта местность была облюбована богатою знатью, как место для постройки вилл.

„Золотой Рынок“ — людное место города Лояна.

„Хуская (иностранка) дева“ — известная в свое время привлекательная пятнадцатилетняя гегера Лояна, о которой часто упоминается в поэзии.

Критики указывают на образцовое описание наружности и поведения юноши, находящегося как в весеннем ветре, так и в весенних чувствах.

Стих. VIII

Парчевая по зеленому полю попона — историческое воспоминание об украшении знаменитых скакунов, пригнанных с далекого запада победоносными китайскими генералами в подарок государю.

Стих. IX

Гаогюйли — название народа, обитавшего у границ Кореи. Ли Бо поэтизирует известные ему из исторических описаний особенности этого народа.

Стих. X

Это стихотворение, помещаемое во всех хрестоматиях, как образцовое и характерное для Ли Бо, является, тем не менее, одним из обычных для Ли Бо перепевов старых мелодий. Так, в стихотворении императора династии Вэй Вэнь Ди (220—227 нашей эры) читаем нечто, очень похожее, и даже с тою же рифмой:

— Вниз гляжу: волны чистой воды...

Вверх смотрю: светлой луны сиянье...

Клубом склублилось много горьких дум,

Свитком свились думы о крае родном.

Стих. XI

Эта песнь имеет своим прототипом песнь, составленную императором У Ди династии Ци (483 — 494 нашей эры), в воспоминание тех дней, когда он был простолюдином. Монах Бао Юе положил ее на музыку. Ли Бо дал, по обыкновению, нечто совсем новое.

Стих. XII

а. Гавань и переправа, называемая Хэнцзян („Поперек реки“), на Янцзы-цзяне играла в III в. нашей эры большую историческую роль, как важный стратегический пункт для сражающихся между собой претендентов на престол.

Вагуань гэ — название башни при монастыре того же имени, стоявшей на самом видном месте и пленявшей взоры, так что гребцы приостанавливались, чтобы на нее взглянуть. Она была очень высока, будто бы до 35 сажень.

б. Нючжу, „Воловья мель“ — переправный пункт против Хэнцзяна. У этой переправы лежат в воде опасные камни, и, кроме того, река в этом месте крайне беспокойна, так что один поэт сложил о ней следующие стихи:

Вечерний ветер вздымается в тростнике,
А на осеннем цзяне уже рождаются чешуйные латы.

У другого поэта по этому поводу читаем:

Стоит подуть слабому ветру, как тысячам кораблей беда.

Мадан — гора, сильно вдавшаяся в Янцзы и представляющая серьезную угрозу кораблям, тем более, что около нее находятся наиболее опасные пенящиеся водовороты. Суеверные корабельщики построили на горе храм, в котором приносятся жертвы духу горы, покровителю страждущих.

в. Западный Цинь — древнее, и потому литературное обозначение части западного Китая (Шааньси).

г. Небесные врата — горы, сжимающие Янцзы.

д. Здесь, повидимому, несколько проясняется доселе непонятная причина, вызвавшая описание переправы Хэнцзян. Ли Бо сам был здесь в своих скитаниях по озерам и рекам. Очень возможно, что эта простая сценка, не содержащая никаких признаков поэзии, должна быть понята иносказательно. Комментатор делает догадку, что Ли Бо намекает на бурные теснины придворной жизни, — своего рода Сциллу и Харибду, — из которых он только что вырвался на волю. Таким образом, и подводные камни, и грозные водовороты, и весь ужас переправы, хорошо известные литературному миру тогдашнего Китая, создавали весьма смелое и яркое сравнение, которое для всякого иного читателя стало уже, конечно, неживым и лишь вяло восстанавливаемым в примечаниях.

е. В этой заключительной строфе дело выясняется окончательно. Начальник советует поэту не переходить стремительных и опасных теснин, а уйти домой, как ушел от тягот чиновничьей, официальной жизни знаменитый поэт Тао Цян (IV — V в. нашей эры), написавший известную с тех пор каждому образованному китайцу поэму в прозе: „Уйду прочь, домой!“ Поставив в конце шестой строфы эту всем знакомую и богатую яркими сопоставлениями фразу, Ли Бо окончательно придает всему стихотворению характер притчи, которая особенно энергична в последней строфе, где в мутной луне нетрудно узнать омраченного невероятной страстью своей к фаворитке государя; в тумане — общую растерянность, за которой не видно надвигающейся грозы; в китах — алчных чиновников, вызывающих волны

народного гнева, которые идут крушить все, сотрясти даже горные твердыни — само государство и т. д. При этих порядках что-либо делать — безумие. Надо уйти в незаметную жизнь, полную лишь для себя.

Древняя поговорка: если вокруг луны мутные полосы — быть ветру.

— Второй стих — парафраз старой поэмы „Море“, написанной высоким описным стилем в ярких, гиперболических красках и причудливых выражениях. Эта ода входила в „Сборник литературы“ Сяо Туна (VI в. нашей эры) и поэтому была всем известна. В этой оде читаем: „А рыбы — так вот кит (цин), лежащий поперек моря, что гора. Двинется — обломит высокие скалы; прижмет огромную волну, съест гигантскую черепаху, проглотит корабль, величиной с дракона. Вдохнет — и волны неподвижны; выдохнет — и сотни рек текут вспять“.

„Три горы“ — название гор у одной из переправ через Янцзыцзян.

Критики относят эти четверостишия к высшим типам подобных форм творчества, как вызывающие „откатные и пережатые“ впечатления, все возвращающуюся и возвращающуюся мысль.

Стих. XIII

(С пропуском строф, написанных иным размером).

г. „Парчево-горбатая птица“, по описаниям древних китайских географов, обладает зеленым и желтым опереньем, выглядит словно опущенная кисть. Она водится как раз в этих местах.

„Горная курочка“ обладает чудесным опереньем и целыми днями любит себя в воде. Затем, у нее иногда глаза застилает туман, и она тонет. Таково ее описание в тех же источниках.

д. Обезьяний вой наводит тоску, ускоряет старость.

ж. Шаньсянь, Чанша — моя родина, мои излюбленные места.

з. О пьяном Шань Цзяне верхом на коне сказано в примечаниях к стихотворению 4,б.

Древний человек Нин Ци (VII в. до начала нашей эры) пас вола и пел:

Южные горы скалисты,
Белые камни сверкают...

В жизни своей не видеть царя Яо, Шуню царство отдавшего.

Шапку свою я обрежу, одежду скрою до колен...

Долгая ночь темна, темна... Скоро ли, скоро ли день?

Удельный князь Хуань услышал из своего экипажа эту песнь и возвеличил Нин Ци, сделав его своим министром. Нин Ци, по его мнению, понимал идею истории, хотя сам князь отнюдь не держался идеалов Яо и Шуня, отдававших престол достойнейшему.

и. Гора Шуй цзюй, „Водяной Постав“, причудливой формы.

„Живого чужим“, т. е. паразита-плюща.

м. Л о ж э н ь — один из утесов, торчащих из вод Янцзы.

„Птичьих пути“ — недоступные людям горные тропы.

„Рыбьи Мосты“ — название города.

о. „Простая“, т. е. бесцветная, как только что вымытые шелковые нити.

„Лин“ — водяной каштан.

Свидание молодых людей с девушками на юге допускались значительно свободнее, чем на пуританском севере, где был в силе ригоризм проповеди Конфуция. Поэтому в старое время на юге обычай разрешал молодым людям принимать участие в собирании водяных каштанов вместе с девушками.

л. Повидимому, здесь дело идет о добывании и выплавке горной руды. Есть и другие мнения, предполагающие, одни — добывание пилюли бессмертия подвижниками, у Осенней Заводи спасающимися, другие — рыбачьи огни. Однако гиперболы была бы слишком явна в таком случае и неприятна.

р. „Выражение „Три тысячи сажень“, — пишет критик, — у людей, распинающихся за форму и приклеившихся к следам вещей, возбуждает недоумение. На самом же деле это просто поэтическая свободная фантазия, крайняя изобразительность. Читателю не следует, как говорит Мын-цзы (IV в. до начала нашей эры), „из-за буквы портить выражение и из-за выражения — всю мысль“. Я уже не говорю, — продолжает критик, — о том, что второй стих дает видеть всю мысль целиком“.

Другой критик говорит, что число „три тысячи“ надо понимать, как круглое число и принятую традицией гиперболу (напр., как „три тысячи“ учеников Конфуция).

Европейской поэтической критике доступно, кажется, более простое объяснение этой гиперболы. Поэт смотрит в заводь, чуть тревожимую зыбью, и лицо его расплывается бесконечными кругами, создавая из бороды клуб белых неизмеримых нитей. Так, по крайней мере, пишущий эти строки понимал это место до прочтения туземной критики; так понимает и посейчас.

Эта строфа воспроизводится во всех учебных изданиях и считается одним из шедевров поэта. „Первый стих, — говорит один из комментаторов, — очень странный и причудливый, а остальные: что ни слово, то очарование. Это по плечу только мастеру... А с читателями, выискивающими строфы и ватаскивающими со всех сторон по фразе, — разве можно об этих вещах говорить?“

В. А.